

Проблема адаптации фактов истории литературы в условиях кризиса верификации: случай П.П.

Бажова

МАРИЯ ЛИТОВСКАЯ

Государственный университет Чжэнчжи

Аннотация

В статье поставлена проблема адаптации фактов творческой биографии писателя современными медиа на примере формирования и трансформации образа классика русской литературы XX века Павла Петровича Бажова (1879—1950).

Условия существования классического наследия приводят к необходимости постоянного обновления интерпретации фактов жизни и творчества авторов, признанных классиками. Это стимулирует научное изучение творческой биографии писателя, но также инспирирует появление текстов, риторически закрепляющих его стереотипизированный образ.

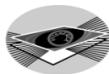
В условиях традиционного функционирования социального института литературы складывается система формирования актуального историко-литературного знания с иерархической системой проверки новых фактов, их интерпретаций авторитетными группами экспертов. Происходящий кризис статуса экспертизы разрушает инструменты верификации, расширяет разрыв между текстами для «академии» и для «широкой публики». Редукция творческой биографии классика приводит к тому, что неверифицируемые факты, вызывающие у публики поверхностную эмоциональную сопричастность, оказываются наиболее тиражируемым.

Ключевые слова: социальный институт литературы, СМИ, экспертное сообщество, история литературы, П.П. Бажов.

© Мария Литовская

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-ShareAlike» \(«Атрибуция-Некоммерчески-СохранениеУсловий»\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/) 4.0 Всемирная

<http://interface.ntu.edu.tw/> or <http://interface.org.tw>



The problem of adapting the facts of literary history in the context of the verification crisis: Pavel Bazhov's case

MARIA LITOVSKAYA
National Chengchi University

Abstract

The article is devoted to the problem of adapting the facts of the writer's creative biography by media on the example of creating and re-creating the public image of the classic of Russian literature of the XX century Pavel Petrovich Bazhov (1879—1950).

The conditions for the existence of classical heritage lead to the need to constantly updating the interpretation of the facts of life and creativity of authors recognized as classics. This stimulates the scientific study of the writer's work, but at the same time inspires the appearance of quasi-scientific or openly unscientific texts that rhetorically set stereotypes of writer's perception.

In the conditions of traditional functioning of the social Institute of literature, a system of formation of current historical and literary knowledge is formed with a hierarchical system of verification of new facts and their interpretation by authoritative groups of experts. The expertise crisis destroys verification tools and widens the gap between the texts for "Academy" and for the "General public". The specific media-reduction of the creative biography of a writer leads to the fact that unverified information arousing superficial emotional involvement in the public is the most replicated.

Keywords: social institute of literature, mass media, expert community, history of literature, Pavel Bazhov.

© Maria Litovskaya

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/).

<http://interface.ntu.edu.tw/> or <http://interface.org.tw>

Проблема адаптации фактов истории литературы в условиях кризиса верификации: случай П.П.

Бажова

Важнейшей особенностью современного глобализированного общества является непрерывное нарастание потока информации. При этом, по мнению французского философа и социолога Ж. Бодрийера, возникает «парадокс глобализации»: «передозировка информации приводит к дезинформации, порождая энтропию» (Жан Бодрийер, 2006). Технологические возможности скоростных интернет-потоков, создавая условия для резкого увеличения количества текстов, приводят к постоянному наложению друг на друга множества истинных и ложных суждений, которые потребитель океана массмедиа-сообщений оказывается не в состоянии соотнести ни с реальностью, ни даже друг с другом.

Такое положение вещей порождает своеобразный феномен, который медиа обозначили словом постправда,¹ и в российской традиции под ним имеют в виду «несколько феноменов, которые друг друга частично поддерживают, а частично отрицают и опровергают. С одной стороны, это засилье беспринципной пропаганды, когда у людей зачастую нет желания искать альтернативные источники информации <...>. С другой стороны, это ситуация, когда люди не хотят верить экспертам <...>, которые изрекают какую-то истину» (Медведев, 2016). При философском

¹ Понятие post-truth драматург Стив Тесич использовал в эссе “A Government of Lies”, чтобы описать изображение средствами массовой информации конфликта в Персидском заливе, в 1992 году (Tesich, 1992). Через двенадцать лет журналист Ральф Кейес пишет книгу об “эре постправды” (Keyes, 2004). Проходит еще двенадцать лет, и в 2016 году слову post-truth, по версии Оксфордского словаря, присваивается титул «слово года», за ним закрепляется устойчивое словарное значение: “relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief” (Oxford Languages, 2016). Русский дословный перевод – постправда – начинает широко использоваться российскими медиа примерно с того же 2016 года. В национальный корпус русского языка на момент написания статьи слово постправда включено не было (Проверено 28 октября 2020 по URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>.)

анализе глобализованного гиперинформационного общества подчеркивается неизбежность дезинформации, анализ медийной стратегии и тактики политической журналистики акцентирует внимание на фабрикации дезинформирующих сообщений с целью продвижения расходящихся интересов конфликтующих сторон. Характеристика феномена постправды в случаях, казалось бы, далеких от очевидных политических целей, находящихся в сфере «чистой» науки или образования, заставляет рассматривать его, в первую очередь, с точки зрения точности и проверяемости информации.

В своей статье я характеризую проявления феномена постправды в современном функционировании литературы как социального института, а также предлагаю вариант интерпретации причин распространения неточной информации в литературном просвещении. В качестве материала для анализа взята творческая биография русского литератора Павла Петровича Бажова (1879–1950).

1 Бажов как классик русской литературы XX века и *genius loci* Урала.

Осознанное или неосознанное искажение информации о каком-то лице предполагает, по крайней мере, существование общественного интереса к нему. В российском обществе в силу его специфического литературоцентризма (Литовская, 2014) постоянной темой в СМИ является информация о такой группе писателей, как классики мировой и, в первую очередь, русской литературы.

В социальном смысле классика – ценностное «ядро» любой национальной культуры, и роль, которую классика как носитель нормативности играет в обществе, неизбежно приводит к необходимости регулярно совершать в отношении разнородных текстов и их авторов символические жесты, подчеркивающие

их значимость. В случае литературы речь идет о переиздании текстов авторов, причисляемых к классикам, о включении соответствующих произведений в списки обязательного для всех членов общества чтения, о формировании специальных памятных мест, где происходит цитирование классических текстов, вроде спектаклей или выставок, о назывании именами классиков улиц и общественных учреждений, об установке им памятников, обозначении мемориальными досками мест их пребывания, создании домов-музеев и т.п.

П.П. Бажов в русской культуре получил статус классика еще при жизни, и знаки социального почтения по отношению к нему исправно соблюдаются. Писатель умер 3 декабря 1950 года, а уже 25 января 1951 года Советом Министров СССР принято постановление об увековечивании памяти П.П. Бажова. В честь писателя были переименованы улицы в разных городах СССР, открыты мемориальные доски на домах, где он жил, учился и работал, названы библиотеки и парки. С 1960 года по постановлению Совета Министров РСФСР городская усадьба П.П. Бажова в Свердловске начала охраняться как памятник государственного значения, и в 1969 году в ней был открыт мемориальный дом-музей П.П. Бажова. В 1982 году еще один дом-музей был открыт в городе Сысерти. По произведениям писателя снято 6 художественных фильмов, 14 мультфильмов, создано множество спектаклей, включая балет С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (1954), который много лет в разных постановках идет на сцене Мариинского и Большого театров. С 1999 года в России существует литературная премия имени П.П. Бажова. Тексты писателя переиздавались более 2000 раз, литература о жизни и творчестве П.П. Бажова насчитывает более 3000 позиций (Горева, Кузнецова, 2011), а несколько сказов писателя включены в учебные программы российской начальной и средней школы. Дни рождения писателя непременно освещаются медиа различных уровней.

Кроме звания классика русской литературы, Бажов имеет негласный статус *genius loci* одного из регионов России – Урала,

I N T E R F A C E

иными словами, считается автором, «чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом (домом, усадьбой, поселением, деревней, городом, ландшафтом, местностью) и могут служить существенной частью образа <...> места» (Замятин, 2007, 270). Уроженец Среднего Урала, всю жизнь там проживший, именно Бажов создал образ этой земли, ставший широко известным и определивший восприятие региона как «своими» – жителями, так и «чужими».

В 1930-е—1940-е годы, когда П. Бажов занимался собственно литературным творчеством, в СССР формировался советский канон истории России, но писатель предпринял редкую по тем временам попытку пойти вразрез с официально навязываемым вариантом интерпретации прошлого Урала и предложил свой вариант его, опираясь на собственные воспоминания и коллективную память жителей региона. Он создает серию сказов, написанных от лица рабочих, посвященных самобытным уральским мастерам – камнерезам, горщикам, старателям, оружейникам, металлургам, которые принесли славу своему краю. Включив в рассказы о мастерах образ фантастической Тайной силы, Бажов создал своего рода авторский эпос горного Урала, который естественно вписался в историю развития отечественной словесности.

Сказы П.П. Бажова, судя по всему, понравились жителям Урала, так как предложили им выигрышную идентичность и обеспечили региону красивую историю. Сказы устроили Советскую власть, так как прославили «человека труда». Наконец, они пришлись как нельзя вовремя в 1930--1940-е годы: писатель поддержал уставших от внутренних классовых и внешних войн жителей СССР, в чью жизнь постоянно и грубо врывается большая история, напомнив, что у человека в любых жизненных обстоятельствах есть два союзника – человеческое достоинство и мастерство. Отношение к Бажову – автору «Малахитовой шкатулки» у писателей, критики, читателей было не просто позитивным, но любовно-почтительным.

Genius loci, когда созданный им образ места становится

общепринятым, «назначается» социумом. Частые упоминания в медиа, широкое использование образа в искусстве, политике, коммерции и т.п., поддержка самоопределения обитателей места через созданные писателем образы -- с именем гения места могут быть связаны акции и мероприятия разного масштаба. В российской культуре произведено несчетное количество артефактов и бытовых предметов, прямо или косвенно отсылающих к Бажову. В повседневность жителя Урала вошли кафе «Серебряное копытце» и одеколон «Каменный цветок», шоколадные наборы и пряники «Сказы Бажова», фарфоровые, металлические, каменные фигурки Хозяек Медной горы и мастеров-камнерезов. Ярмарки минералов, ювелирные выставки, реклама различных услуг и товаров от банковских кредитов до пива широко используют бажовские образы, поскольку информация, связанная с писателем, легко считывается потребителем и вызывает нужные ассоциации. Образы Бажова давно приобрели самостоятельное значение, порой мало общего имеющее с первоисточником (Шабуров, 2019).

Выдуманная Бажовым региональная мифология прочно внедрилась в массовое сознание как испокон веку существующая. Уважение к автору способствовало мифологизации его собственного образа, еще при жизни Бажова отлившихся в три формульных определения – мастер, мудрец, сказочник (Мастер, мудрец, сказочник, 1978). Но главной причиной популярности Бажова, скорее всего, оказалось не многократное комплиментарное объяснение его достоинств «профанному» читателю, а то, что читателям не пришлось учиться его любить, так как он предложил красивую историю одного из российских регионов, вывел выразительные типы рабочих людей, сформулировал, наконец, житейские принципы, которым стоило следовать.

2. «Мастер, мудрец, сказочник»: уязвимые места привычного образа.

Казалось бы, зачем производить переоценку творчества и жизни

I N T E R F A C E

писателя, чьи художественные тексты и профессиональные, и непрофессиональные читатели оценивают как отлично написанные, чьи произведения не теряют своего значения при кардинальной смене идеологических и культурных предпочтений, прочно вошли в круг чтения. Но почтение к классикам, как это ни парадоксально, обычно сопровождается попытками «использовать» их наследие и образ как своеобразный символический капитал в борьбе за широко понятую власть над идеологией, историей, эстетикой и т.п. Значимый результат победы в символической «войне» побуждает постоянно обновлять интерпретацию фактов жизни и творчества авторов, включенных в соответствующий «пантеон», чтобы, в том числе получить право на очередную окончательную «правильную» интерпретацию творчества художника и ее широкое распространение. Бажов не был исключением: его вес в отечественной культуре был достаточно весом. Что же в жизни и творчестве писателя давало основания для пересмотра представлений о нем?

Научная биография Бажова создавалась усилиями нескольких поколений литературоведов, но полного доверия к ней у читателей не было. Хорошее духовное образование мальчика из бедной рабочей семьи, его странная служебная карьера, неожиданное превращение немолодого журналиста в автора сказов – все это, конечно, объяснялось, но вызывало сомнения. В последние годы существования СССР резко вырос интерес к «белым пятнам» советской истории, каковых в биографии едва ли не каждого советского человека с дореволюционным прошлым можно было найти немало. К тому же Бажов, как большинство успешных в СССР авторов, оказался под подозрением как потенциальный приспособленец и человек беспринципный.

Открывшиеся в 1980-е годы архивные материалы обнаружили факты биографии Бажова, которые ранее было невозможно обсуждать, и о которых сам писатель по личным и политическим причинам избегал говорить. Библиограф Н.В. Кузнецова, с середины 1950-х годов собиравшая биографические материалы

о писателе, нашла доказательства того, что П.П. Бажов начинал свою политическую деятельность как эсер (Кузнецова, 1993), собрала воедино факты о репрессиях против него в 1930-е гг. (Кузнецова, 1997).² Находки бажоведов позволили также увидеть в Бажове историка с оригинальной программой исследований Урала. В свою очередь, изменившаяся политическая ситуация в России использование новых методик анализа текстов словесности дали основание для аргументированного обсуждения не поднимавшихся ранее проблем: каким было и как повлияло на Бажова духовное образование? какой характер носило его участие в работе советских организаций? вписывается ли его творчество в направление социалистического реализма? каков был социокультурный контекст появления сказов?³ [3].

«Академическое» бажоведение коллективными усилиями формирует концепцию творчества Бажова, согласно которой успех провинциального учителя и журналиста обусловлен тем, что он парадоксально включился в гомогенизированную к концу 1930-х гг. официальную советскую культуру и оказался, по сути, родоначальником нового взгляда на российского *homo laboris*. Внутренне свободный рабочий человек, по собственной инициативе и воле осваивающий тонкости профессии, мастер, достойно проходящий все этапы личностной реализации, несмотря на все драматические и даже трагические социальные обстоятельства, до этого героем отечественной литературы не

2 Эти тексты были изданы вместе в 2003 году в сборнике «Неизвестный Бажов», составителем которого выступила автор большинства материалов биограф П.П. Бажова Н.В. Кузнецова, десятилетиями собиравшая факты о жизни писателя.

3 Исторические интересы П.П. Бажова особенно отчетливо проявились, когда были собраны воедино его письма [Бажов, 2018]. Личные, не предназначенные для печати, они характеризуются несколькими сквозными сюжетами, среди которых центральный – создание новой истории Урала, темы для которой Бажов щедро раздает своим корреспондентам. В сказах 1940-х гг., многие из которых литературоведы традиционно признают неудачными, Бажов намечает, иногда конспективно, перспективные направления будущих ураловедческих исследований региональной истории как истории мастеров, заводов и ремесел, предлагает свой вариант описания их в разработанном им ранее «легендарном», мифологизированном ключе с опорой на коллективную память. Он обращает внимание своих корреспондентов на разнообразные источники сведений о регионе и возможности их трактовки. Занимая особое положение на Урале, Бажов ищет коллег, которые поддержали бы его поиски: даже отсутствие дара слова, по его мнению, можно компенсировать дотошным изучением фактографии, переходом в очеркисты и т.п.

был.

Однако, по справедливому замечанию историка культуры М.В. Загидуллиной, в процессе неизбежной популяризации творчества писателя, признанного классиком, происходит своеобразная «редукция» как фактов его биографии, так и результатов творческой деятельности, когда многомерный результат творчества сводится к набору нескольких общих, обычно тематических, примет, выделяющих его в ряду других авторов, занимающих аналогичный статус (Загидуллина, 2001). Многолетнее выстраивание региональной идеологии и связанной с ней символики вокруг фигуры Бажова как заглавной привело к тому, что за долгие годы в массовом сознании Бажов превратился в хрестоматийную фигуру – доброго уральского дедушку-сказочника с бородой и трубкой, обладателя необычных малахитовых вещиц, детского автора книжек о самоцветах и горных чудесах.

3. Медиа-образ Бажова в ситуации постправды

В 1990-е благостный образ начинает разрушаться, с одной стороны, из-за уточнения биографических фактов о Бажове, складывающихся в новую историю его жизни, с другой – из-за разочарования журналистов, уральских чиновников, обывателей в эффективности сказочных бажовских образов для представления Уральского региона в новых постсоветских условиях. Начинается распад доселе солидарного нарратива об уникальном авторе.

Транслируя свои наблюдения и концепции в статьях, лекциях, докладах, уточняя и соотнося выводы, исследователи творчества П. Бажова общими усилиями создали внутренне непротиворечивое повествование о нем как о герое, который был и жертвой времени, и победителем, сумел сохранить достоинство благодаря, в том числе эффективной стратегии автопрезентации, занял в отечественной словесности уникальное положение человека, чьи художественные тексты были восприняты как приемлемые

для советской власти в период самого жесткого идеологического надзора и относительно благополучно пережили смену общественного строя и доминирующих культурных парадигм, а идеи предопределили развитие региональных исторических нарративов.⁴ В подготовленной в начале 2000-х годов «Бажовской энциклопедии» исследователи нескольких поколений доказывали, что успех писателя обусловлен, в первую очередь, эстетическими достоинствами его сказов, а уникальное приятие его творчества – сложившимся творческим поведением Бажова, позволившим ему балансировать между государственными требованиями и насущной потребностью аудитории.

Этот нарратив поддерживают авторы текстов в медиа, ориентированных, в первую очередь, на научно-популярные очерки. Пафос этого жанра основан на изначальном уважении к экспертному мнению и знакомстве с ним. Так, филолог Ирина Лукьянова в статье «Семь жизней Павла Бажова» (Лукьянова, 2018), предназначенной для интересующихся «Русским миром», предлагает основанные на выводах ученых ясные для читателя-неспециалиста характеристики Бажова как писателя и человека, аккуратные ответы на вопросы об отношении Бажова к рабочему фольклору, специфике его фантастики или языка, соотношении его художественного творчества и работы в советских органах власти и т.п.

Журналист В.Сутырин основывает свою биографию писателя (Сутырин, 2012), опираясь на «Хронику жизни и творчества П.П. Бажова» из «Бажовской энциклопедии», но в его тексте появляется характерное изменение в образе Бажова, которое позже начнет доминировать в медиа-среде.

Рассчитывая на широкого читателя исторических книг, Сутырин включает своего героя преимущественно в советские

⁴ См., например, моделирование «уральского цивилизации» в ряде художественных и документальных сочинений Алексея Иванова «Message: Чусовая» (2007), «Хребет России» (2010), «Горнозаводская цивилизация» (2014) или «рифейского характера» в творчестве Ольги Славниковой 1990--2000-х годов.

I N T E R F A C E

идеологические и политические контексты. При этом, считая главное бажовское культурное достижение – сборник сказов «Малахитовая шкатулка» не самым интересным фактом в истории жизни «знаменитого уральца», биограф, тем не менее, толкует появление книги эзотерически – через категории предопределения, зодиакальных соответствий, мыслеформ. Во всем, что не связано с интерпретациями текстов и событий, Сутырин придерживается проверенных фактов, но соблазн защитить Бажова, а значит, в соответствии с популярным постсоветским стереотипом создать образ «настоящего» писателя как творца-провидца и скрытого борца с режимом, оказывается сильнее. Если в 1950–1960-е годы писателя «впихивали» в прокрустово ложе соцреализма и революционного движения, в 1990-е плодотворной оказалась идея создавать образ Бажова как обладателя авантюрной биографии.

В статье журналиста А. Филиппова «Хождение по мукам Павла Бажова. Как писатель скрывался от белых, менял фамилию и дважды лишался партбилета» развенчивается популярный бажовский «образ мудрого и доброго рассказчика и человека не от мира сего». Вместо него читателям предлагается «рассказ о «бурной жизни» советского человека первой половины XX века с рефреном «Беда шла за Бажовым по пятам». В интерпретации журналиста «ужас и безысходность» детства Бажова сменились «самым ярким и страшным впечатлением его жизни» – революцией и Гражданской войной. Арест родных, смерти детей, жизнь по «плохо подделанным документам», тиф, потом работа цензором и «ужасный, кровавый фарс 1930-х годов». Сотрудник Истпарта Кашеваров, книгу которого Бажов не пропустил в печать, заваливал начальство доносами на Бажова. Героев документальной книги, которую Бажов начал писать в 1937 году, посадили, и на него обрушились огромные неприятности. Исключения из партии, гибель третьего сына: «Загнанный в угол он писал то, что помогало ему выстоять». Литературный успех, а затем и «номенклатурный взлет» Бажова объясняются тем, что «“Малахитовую шкатулку” прочел заядлый книголюб Сталин, проглатывавший по 200 страниц в день, и она ему понравилась».

Но «его жизнь не изменилась: в отапливавшемся печами домике по-прежнему не было водопровода и канализации, он отказался от машины, ходил в стареньком пальто. В войну сбивался с ног, устраивая эвакуированных в Свердловск писателей, после войны тянул непосильную для старика ношу общественных обязанностей -- и умер в Москве, на сессии Верховного Совета» (Филиппов, 2019). Автор смешивает реальные и вымышленные факты, расставляет акценты так, чтобы Бажов превратился в героя своего рода «сказочного сюжета» с положенными архетипическому герою испытаниями, инициацией, стоическим сопротивлением, успехом, испытанием медными трубами, наконец, с чудесным помощником-царем.

В результате произошедшей «редукции» образ «мастера-мудреца-сказочника» трансформируется в медиа в образ драматической жертвы «соединения ужасных, чудесных и таинственных обстоятельств». Генерализованная характеристика обстоятельств как будто легализует разгул воображения интерпретаторов, которые начинают смешивать проверенные и ничем не подтвержденные или даже заведомо ложные факты.

В 1990-е годы, когда многие советские авторы с репутацией правоверных подвергались осмеянию и сбрасывались с «парохода современности», появляются вдохновленные «шолоховским вопросом» версии о том, что Бажов писал сказы не сам, а «покупал» их у других писателей. Так, Д. Галковский в своем «Живом журнале» пишет: «В 1941 году на Урал эвакуировалось большое число писателей из столиц: Москвы, Ленинграда, Киева. Все они поступили в формальное подчинение Бажова. Он ведал выделением жилья, карточек, трудоустройством. Внезапно у старика начался прилив творчества. Пошли “Малахитовые шкатулки”...». Лихая версия не принимает во внимание, что первые сказы были опубликованы в 1936 году, а первое издание «Малахитовой шкатулки» вышло в 1939.

По сути дела, не высказываемые публично до поры до времени

I N T E R F A C E

сомнения в правдивости биографии советского журналиста, ставшего автором неожиданно успешной книги сказов, вышли в публичное пространство и открыли дорогу множеству текстов, авторы которых уверенно оперируют фактами и утверждениями, не проверяя их, но предлагая в качестве истинных. Некоторые из них легко опровергаются. Когда популярный литератор и лектор Дмитрий Быков в своих устных и письменных текстах о Бажове путает его отчество и называет Тимофеевичем, это можно списать на оговорку или опечатку. К 140-летию Бажова на множестве сайтов библиотек, детских садов и школ перепечатывается одна и та же, видимо, распространяемая как рекомендация органов культуры заметка, в которой повторяется тезис, более семидесяти лет назад опровергнутый исследователями, но кажущийся логичными неуказанному журналисту: «Сказы Бажова считаются уральскими «тайными сказами» – устными преданиями горнорабочих и старателей, отличающимися сочетанием реально-бытовых и сказочных элементов» (К 140-летию, 2018). Это ошибка, основанная на незнании и нежелании проверить факты, но, включенная в «статусную» безымянную рекомендацию, она широко транслируется, в том числе школьникам и дошкольникам.

Когда в 2018 году в юбилейной передаче на радио «Маяк» профессор Российского государственного гуманитарного университета, рекомендуя читать «Малахитовую шкатулку» («читайте, удовольствие получите»), сообщил чистую правду, что Егор Гайдар был сыном дочери Бажова, но добавил, что писатель «не знал женщин до 30 лет», а, «чтобы протолкнуть свои сказки, придумал, что они фольклорные», слушателю пришлось сложнее: вдруг эта информация почерпнута из каких-то тайных, например, архивных источников [Пора домой, 2019].

В 2010-е гг. в российских СМИ неоднократно перепечатывались анонимные «10 фактов о Павле Бажове», которые, в частности, были рекомендованы к распространению Центральной библиотечной системой для интернет-публикации в календарях памятных дат, которые ведут многие библиотеки [Мемория; и многие другие].

Учитывая, что писатель считается «гением места» Урала, показательно, что же, по мнению безымянного журналиста, должен знать о Бажове читатель? Факты, связанные с популярностью «Малахитовой шкатулки», и недопроверенные биографические. Так, сообщается, что, по воспоминаниям Ярослава Голованова, нож для разрезания бумаг у Бажова был сделан из малахита (из малахита нельзя сделать нож). Что Хозяйка Медной горы была известна в уральском фольклоре также под именами Малахитница, Горная матка, Каменная девка, Золотая баба, девка Азовка или же в мужском обличье – Горный дух, Горный старец, Горный хозяин (это разные персонажи с различными функциями). Что у Данилы-мастера из сказов Бажова был реальный прототип Данила Зверев (первый был по профессии камнерезом, а второй – горщиком) и т.п. Сомнительные утверждения смешаны с правдивыми: действительно, существует много произведений в других видах искусства, созданных по мотивам сказов Бажова; действительно, в книге «Fortune's Fool», написанной Mercedes Lackey, наряду с Бабой-Ягой, Коньком-Горбунком, русалками, фигурирует и Хозяйка Медной горы; действительно, один из псевдонимов, которым пользовался писатель, связан с диалектным толкованием его фамилии.

Смешение фактически достоверного, неподтвержденного и голословного характерно для многих медиа-текстов о Бажове 2010-х годов. Соотношение первого, второго и третьего зависит от «топовых» медиа-тем и «повестки» того времени, когда рождается соответствующий текст. Так, поиски региональной идентичности, интерес общества к проблеме «гениев места» и культурной географии приводят журналистку Евгению Коробкову к формулированию тезисов об «уральскости» на материале бажовской биографии, творчества и бытующих в крае постфольклорных текстов, адаптируются в рассуждения об уральском характере, «придуманном» Бажовым.

Представив Бажова как «уральского Гомера» и «колдуна уральского бородатого», таким образом, переиначив тезисы

I N T E R F A C E

об «авторском эпосе» и «эзотеризме», автор контаминирует позаимствованные из разных источников факты, опираясь, скорее всего, на собственную память, интерпретируя их, исходя из своих представлений об увлекательности (Коробкова, 2019).

Журналистка ссылается на неких неназванных специалистов, решительно сообщая, что «свои рассказы Бажов создавал сам. Он не собирал и не обрабатывал никакой фольклор. Истории про то, будто еще мальчишкой услышал он сказы от уральского деда Слышко – выдумки». Она предлагает эффектную, но недоказанную версию о том, что «его сказы стоят на подложке из немецкой мифологии и монгольского эпоса. Павел Петрович был учителем и знал многое, как ученый-медиевист Толкиен, создавший свое Средиземье». В статье развернут мелодраматический рассказ о семейной трагедии писателя, соединенный с наивными выводами о причинах появления «Малахитовой шкатулки»: «“Колдун уральский бородатый” начал писать поздно, когда ему было почти шестьдесят, он обратился к творчеству, “чтобы потушить свою боль”. Его старший сын погиб в младенчестве от голода. Младший, горячо любимый Алеша, сгорел девятнадцатилетним на работе, когда начальник-идиот заставил его варить бочку с порохом. Потому-то все рассказы Бажова такие страшные, и страшна их главная мысль: чтобы получить от Земли самое дорогое, нужно сначала закопать туда самое дорогое». С такой же лихостью автор объясняет причины успеха Бажова, смешивая свои домыслы с обрывочными сведениями из различных источников: «Карьера шла в гору (Медную). Может быть, потому, что закопал в землю самое дорогое. А может быть, просто совпало. Его сказы пришлось на тот период, когда сложившемуся государству очень нужен был рабочий фольклор». Еще одной причиной популярности сказов стала сама таинственная уральская реальность: «В полях и лесах еще живы горы и холмы непонятного предназначения, внутри которых раздаются голоса, горит свет и происходит много-много странного и загадочного». Журналистка выводит из сказов Бажова некие правила жизни, приписывая их жителям региона, для именованя которых использует слово из романа другого автора

– Ольги Славниковой: «Бажов пишет: “Горе тому, кто встанет у рифейца на пути”. Что будет - читай “Приказчиковы подошвы”»; «Согласно одной из легенд, с Урала нельзя уезжать. Горе рифейцу, вздумавшему покинуть свой край. Очень скоро смерть, как бабка-синюшка, протянет к нему свои руки с телескопическим эффектом. А вот если сидеть ровно и самозабвенно трудиться на пользу каменного цветка, то может случиться чудо. Приползет к тебе полоз и покажет, где сокровище» (Коробкова, 2019).

Характерен для современных медиарассказов о Бажове пафос статьи. Автор одновременно гордится Бажовым и небрежным тоном выражает некоторую иронию по отношению к нему. С одной стороны, речь идет о том, что «писательская карьера у уральского Гомера сложилась на зависть. Уже при жизни он стал брендом земли русской. В 1939 году его книга “Малахитовая шкатулка” предстала в советской экспозиции на Всемирной выставке в Нью-Йорке как драгоценный экспонат... Спустя семь лет фильм “Каменный цветок” Птушко получил приз Каннского фестиваля за лучшее цветное решение». С другой – пеняет Бажову, что он «писатель-большевик» и «придумал» неправильные характеры для своих персонажей: «Единственный смысл несчастливой и короткой жизни для них – с головой нырнуть в высекание каменных цветков» ((Коробкова, 2019).

Советское общество с его строгой социальной иерархичностью не допускало фамильярности по отношению к классикам на уровне официальных текстов, но допускало ее на уровне текстов фольклорно-«низовых». Поскольку почтительное отношение к П.П. Бажову во многом основывалось на феномене «солидарного чтения», когда представители различных читательских страт и сообществ объединялись в оценке того или иного автора и в дальнейшем защищали его (Панова 2017, 40), созданных в советское время фамильярных текстов о Бажове как человеке нам найти не удалось, хотя несколько копрологических анекдотов, где действуют его персонажи, были зафиксированы.

Обсуждения творчества П.Бажова в социальных сетях, интернет-сообществах свидетельствуют о том, что у значительной части широкой публики образ Бажова нередко иронически снижается, отчасти, возможно, из-за недостаточно высокого статуса детской литературы, отчасти из-за усталости от того, что иногда определяют как «бажовщину», то есть повсеместного использования образов писателя для презентации уральского региона или рабочего человека. Если биографические факты, символически «возвращают» писателя в круг «взрослой» культуры, то все, связанное со сказами, все чаще иронически переосмысливается как «детское», наивное, пережитое.

Восприятие Бажова только как сказочника приводит к проявлению фамильярности в отношении него самого. С одной стороны, он «дедушка Бажов», то есть человек заведомо принимаемый и родной, с другой – объект добродушной иронии, носитель устаревших привычек и не до конца полноценного знания.

В статье журналиста Ксении Дубичевой «Уральцам показали Бажова без бороды» (Дубичева, 2019), где, вообще-то, речь идет о «новом проекте Свердловского краеведческого музея 'Дорога к сказам'», автор использует метафору срывания покровов, так как музей «раскрывает малоизвестные страницы жизни патриарха уральской литературы», позволяет «ответить на интригующий вопрос, как выглядел Павел Петрович без бороды?». Речь, собственно, идет о молодых годах писателя, но автор статьи намекает на распространенное в среде блогеров метонимическое прозвище Бажова. Журналистка здесь же раскрывает использованный ею образ, сообщая малоизвестный широкому читателю факт, что «в честь 140-летия со дня его рождения в Полевском даже установили 15-тонный двухметровый мраморный объект 'Борода Бажова'»

Хотя Бажов и именуется «уральским колдуном», факты его биографии историчны («скрывался от белых, менял фамилию и лишился партбилета»), трогательны («единственный роман всей его жизни - с ученицей епархиального училища Валентиной

Иваницкой. Уже на выпускной фотографии 1910-го бородатый учитель стоит рядом с ней. Через год, летом 1911-го преподаватель Бажев 32-х лет обвенчан с псаломщицкой дочерью 19 лет в церкви села Кашина Камышловского уезда») и забавны («На выставке можно убедиться, что ‘колдун’, точно, был совсем невысок, - померяться ростом с манекеном в парадном костюме Павла Петровича из френча и широченных брюк с отворотами»). Как полагается в семейном предании, утверждается, что «Малахитовая шкатулка» была написана не из интереса к фольклору, истории Урала или фабрик и заводов, а из желания подарить подарок жене на их серебряную свадьбу. Заведомо упрощающее разгадку главной «тайны» Бажова объяснение отчасти, видимо, также обусловлено родственным подтруниванием над знаменитым земляком.

По сути, вокруг творчества Бажова с 1990-х гг. идет культурная война, в которой предпринимаются попытки перетянуть на свою сторону классика в качестве своеобразного символического капитала. С одной стороны, это стимулирует научное изучение его творчества, активную архивно-разыскную и интерпретаторскую деятельность филологов, историков, краеведов, с другой – инспирирует появление текстов, риторически закрепляющих «популярный» образ классика, задающих поддержку определенных стереотипов его восприятия.

В случае Бажова это, во-первых, профессиональные исследователи, расширяющие и углубляющие контексты жизни и творчества писателя, закрепляющие подкрепленные фактами научные результаты. Им свойственны стремление к объективизации и аргументации высказываемых тезисов, соблюдение дистанции по отношению к объекту исследования, поиск новых фактов и интерпретаций, необходимых для подтверждения статуса классика у анализируемого ими автора.

Профессиональному академическому знанию противостоит любительское, которое тяготеет либо к демонизации автора, либо к фамильярности и десакрализации классика как «обычного

I N T E R F A C E

человека» и параллельно к иронии над сакрализацией, присвоении заслуг классика, например, как земляка и даже обесценивании его заслуг по сравнению с достижениями ныне живущих авторов.

Сосуществование в едином медийном пространстве текстов, написанных исследователями в академической манере, подчеркнуто произвольных в интерпретации творчества писателя, но серьезных по тону писательских эссе, интервью, включающих устаревшие неуточненные сведения официальных текстов, наконец, фамильярных журналистских очерков, вольно смешивающих информацию, позаимствованную из источников разной степени достоверности, и собственные фантазии, конечно, обусловлено характером современного бытования литературы.

Широкий фронт «вброса» разнородной информации, в первую очередь, с применением интернет-медиа, когда обычным явлением оказывается поток «разоблачений» с последующим «разоблачением разоблачений» и т.п., приводит к тому, что информации становится все больше, потребитель беспрерывно получает множество фактов и их интерпретаций, которые противоречат друг другу, и, будучи не в состоянии справиться с ними, сужает круг источников или начинает воспринимать информацию как хаотически организованную и принципиально неаудируемую.

Традиционная медиа-среда благодаря понятной читателю системе маркеров позволяла потребителю определять качество текста по многим параметрам. Распределение информации по СМИ, сложившаяся система рубрикации материалов в каждом медиаисточнике позволяла ориентироваться, в том числе и в степени правдивости информации. Даже жанровая принадлежность того или иного текста уже указывает на степень достоверности в отношении приведенной в нем информации. От писательских эссе никто не ждет точности фактов, они интересны неожиданными гипотезами, их образность может бросить вызов академической науке, которая, в свою очередь, озабочена перепроверкой фактов,

так как их точность находится в зоне ответственности автора. К официальному тексту, предназначенному для распространения в аудитории неспециалистов, например, к какой-нибудь писательской юбилейной дате, читатели обычно относились некритически, доверяя ему, предполагая его многоступенчатую предварительную проверку.

Современная литературная ситуация, которая в России во многом основана на социальных сценариях презумпции виновности, снижения социального статуса недавних элит, обесценивания традиционных достижений, создает почву для размывания границ не только между точками зрения на того или иного автора, но и между оригинальным и вторичным, проверенным и безответственно высказанным. В массовом сознании стирается грань между экспертным и любительским мнением. Традиционно известная группа экспертов определяла, что истинно, что ложно, и контролировала это знание, а всем остальным было предписано верить в то, что им говорят. Образ писателя-классика формировался на нескольких уровнях, существовал феномен любительского, народного литературоведения, но между профессионалами и любителями существовала четкая граница, и действовали, условно говоря, пограничники – представители экспертного сообщества. Борьба с так называемыми «большими нарративами» приводит к проблематизации «фактического» и одновременно – к признанию правомочности разных типов «мокьюментари».

В итоге возможно рождение образа Павла Тимофеевича Бажова – мужа собственной ученицы, автора советского фольклора, певца «уральской корявой породы» и «уральских мастеров», сказочника, под влиянием «веществ» придумавшего хорроры про бабку Синюшку и Огневушку-поскакушку, который побуждает современных хитников с металлоискателями и наушниками искать след современного полоза – многокилометровый серебряный кабель, который семнадцать лет назад оставили уехавшие впопыхах военные с южноуральской ракетной базы с ракетами

“Сатана”.

4 Заключение

В заключении сделаем теоретический вывод из конкретных историко-литературных наблюдений над динамикой создания образа писателя-классика П.П. Бажова в российском обществе, начиная со второй половины XX века и до сегодняшнего дня.

В условиях традиционного функционирования социального института литературы, когда границы критического и литературоведческого сегмента институции закреплены, складывается система формирования актуального историко-литературного знания с иерархической системой верификации новых фактов, их интерпретаций авторитетными группами экспертов—элиты соответствующих сегментов «поля литературы».

Системный кризис элит и авторства, совпавший с технологической революцией и распространением социальных сетей, а также (в России) с общим идеологическим кризисом рубежа XX—XXI веков разрушает инструменты верификации из-за отсутствия безоговорочных авторитетов, возможности регулярного мониторинга всей поступающей информации, ее экспертизы. Это приводит к расширению разрыва между «академией» и «широкой публикой» на уровне производства научного знания, но в то же время к осознанию последствий этого феномена, попытке их уменьшить.

Для ситуации постправды характерен своеобразный парадокс: культ писателя-классика как результат «солидарного чтения» одновременно и поддерживается, и разрушается разнообразными версиями «жизнетворческого спектакля» интерпретируемого автора. Поддержка выражается в признании его значимости, то есть постоянному обращению к биографии и наследию классика, а интерпретационное многообразие, в том числе и не

выдерживающее научной критики, воспринимается как залог жизнестойкости имени в социальном пространстве. Вокруг образа писателя образуется поле полуживой-полуправдивой информации, в котором создаются все новые и новые варианты его биографии и общих интерпретаций творчества. В то же время неконтролируемая экспертным сообществом редукция приводит к дрейфу ценностных значений, когда наиболее тиражируемым оказываются неverified факты, вызывающие у «публики» поверхностную эмоциональную сопричастность, а у создателей ложной информации появляются все новые поводы капитализировать фальсифицированные знания.

Литература

- Jenkins, H. (1992). *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture*. New York: Routledge.
- Keyes, Ralph (2004). *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Press.
- Oxford Languages (2016). "Word of the Year 2016," <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.
- Tesich, Steve (1992). "A Government of Lies," *The Nation*, 254 (1), January 6.
- Бажов, П. П. (2018). *Письма. 1911-1950 / сост. Григорьев Г.А., Григорьева Л.С.* Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Горева, В.В.; Кузнецова, Н.В. (составители). *Павел Петрович Бажов: Библиографический указатель (1913—2010)* (2011). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Дубичева, К. (2019). Дорога патриарха. В Екатеринбурге показали фотографии уральского сказителя без бороды, *Российская газета. Урал*, 33(7791), 19.
- Жан Бодрийяр (2006). Меланхолический Ницше : Интервью провела Наталья Архангельская // *Эксперт*. № 17 (324). Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 23.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/663>
- Загидулина, М. (2001). *Пушкинский миф в конце XX века*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета.
- Замятин, Е. (2007). Гений места: Материалы к словарю гуманитарной географии // *Гуманитарная география*. Выпуск 4. Москва: Институт Наследия, С. 270--273.
- К 140-летию П.П. Бажова (2019). Электронная публикация. URL:https://gym1748v.mskobr.ru/attach_files/upload_users_files/5c584146eb491.pdf; URL:<http://detsad2turinsk.com.ru/?p=2216>; <http://detsad2turinsk.com.ru/?p=2216>; и многие другие
- Коробкова, Е. (2019). *Страшные сказы уральского Гомера*,

- Комсомольская правда, 1 февраля, 4.
- Кузнецова, Н.В. (1993). Самая первая книга Бажова, Уральский следопыт, 1, 60.
- Кузнецова, Н.В. (1997). Репрессированный Бажов, Урал, 5/6, 143–148.
- Кузнецова, Н.В. (2003). Неизвестный Бажов: малоизвестные материалы о жизни писателя. Екатеринбург: Баско.
- Литовская М.А. (2014). «Школьное преподавание литературы и его роль в судьбе российского литературоцентризма», Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н. В. Ковтун. Москва : Флинта; Наука, 2014. С. 138–157.
- Лукьянова, И. (2018). Семь жизней Павла Бажова, Русский мир, 1, 48–55.
- Мастер, мудрец, сказочник: воспоминания о П. Бажове (1978). М.: Сов. писатель.
- Медведев, С. (2016) Эпоха постправды, Радио Свобода, 4 декабря,
<https://www.svoboda.org/a/28150925.html>
- Мемория, 2016. Павел Бажов. URL:<https://polit.ru/news/2016/01/27/bazhov/>
- Панова Л. Г. (2017). Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Пора домой. Неизвестное об известном. Виктория Колосова. Петр Фадеев (2019), URL:<https://radiomayak.ru/videos/video/id/1756177/>
- Садовская И. (2019). Колдун с Медной горы, Story, 1–2, 140–142.
- Сутырин, В. (2012). Павел Бажов. Биографическое повествование, Екатеринбург, ИД «Сократ».
- Филиппов, А. (2019). Хождение по мукам Павла Бажова. Как писатель скрывался от белых, менял фамилию и дважды лишился партбилета, Российская газета – Неделя, 15(7773). URL: <https://rg.ru/2019/01/24/kak-bazhov-skryvalsia-ot-belyh-menial-familiuu-i-lishalsia-partbileta.html> (дата обращения 15.11.2020)

I N T E R F A C E

Шабуров, А. (2019). Бажовский китч: советское тиражное искусство на сюжеты уральских сказов. Каталог выставки, Екатеринбург: ГЦСИ.

[received December 17, 2020
accepted February 22, 2020

